

В статье рассматривается категория «счастье» и ее применение в архитектуре и теории архитектуры. Подчеркивается редкость предметного анализа архитектуры в свете категории «счастье», и предлагается схема интерпретации архитектуры в категориях своего места, своих людей и своего дела, связанных и с понятием счастья, и с понятием о мире, которому принадлежит архитектура.

Ключевые слова: архитектура, фелицитология, красота, теория архитектуры, любовь, вкус. /

The article features the meaning of the category "happiness" applied in the architectural theory. The author suggests a connection between a new explication of "happiness" in architecture and the categories "own place", "close human relations" and "personal business" as well as the concepts of "the world".

Keywords: architecture; felicitology; beauty; theory of architecture; love; taste.

Архитектурная фелицитология / Architectural Felicitology

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Слово «фелицитология» почти исчезло из употребления: во времена советской власти как учение о счастье оно было заменено историческим оптимизмом. Счастливым советский человек был потому, что сознавал единодушное стремление всех своих соотечественников и прогрессивного человечества строить коммунизм как в одной отдельно взятой, так и во всех вместе взятых странах.

Но вот что пишет о фелицитологии «Википедия», опирающаяся на философскую мысль недавнего времени: «Фелицитология (лат. *felicitas* – счастье) – учение о достижении счастья, которое пытаются создать некоторые буржуазные теоретики, в частности неопозитивист Отто Нейрат. Как этическая теория фелицитология продолжает традицию эвдемонизма. Однако здесь категория счастья выступает не в качестве основания морали, а просто как психологическое состояние человека, к которому он естественно стремится (так называемый психологический эвдемонизм). Задача нравственности в фелицитологии целиком сводится к тому, что она якобы является средством достижения счастья. При таком толковании проблемы само понятие счастья оказывается полностью бессодержательным. С точки зрения Нейрата, неважно, к чему конкретно будут стремиться люди и каких социальных результатов они будут достигать, – важно лишь ощущение счастья. В конечном счете этика превращается в «науку» о методах внушения людям того, что они счастливы».

Понятие счастья остается в фелицитологии бессодержательным и сводится к ощущению счастья. Но вопрос о собственной природе счастья остается злободневным. Люди мечтают о счастье, стремятся к счастью и хотели бы избежать его противоположности – несчастья.

Что касается несчастья, то относительно него может быть построена масса теорий – от теории несчастных случаев на автодорогах до теории несчастного сознания.

Среди книг, обсуждающих проблему счастья в архитектуре, только одна называет вещь своим именем. Книга Алена де Боттона «Архитектура счастья» (*The Architecture of Happiness: The Secret Art of Furnishing Your Life*, 2006) [1], написанная с большим пониманием архитектуры, обходится без слова «пространство», добавленного в русский перевод. И это симптоматично,

русский переводчик заменил слово «жизнь» «жизненным пространством», следуя сложившемуся в последнее столетие стереотипу понимания архитектуры как искусства организации «пространства». Более точным был перевод: «Архитектура счастья: тайное искусство обустройства вашей жизни».

Но мне бросились в глаза и два других момента, которые уже не связаны с переводом. Говоря о счастливой архитектуре, автор иллюстрирует ее примерами того, что он считает архитектурой хорошего вкуса, не касаясь вопроса того, всегда ли этот хороший вкус приводит к переживанию счастья. Между тем для избранной им темы было бы, наверное, очень интересно посмотреть, как и когда эти качества в жизни не совпадают со счастьем.

Книга иллюстрируется большим количеством красивых черно-белых фотографий, красота которых невольно отождествляется и с красотой сооружений, и со счастливыми переживаниями людей. Но наше время, избыточное архитектурной рекламой, уже давно приучило нас не верить этим красотам и глядеть на них с достаточной долей скепсиса.

Автор пишет об архитектуре с любовью, чувством и пониманием, неотделимым от счастья, и тем самым делает важный шаг к тайнам и человеческой жизни, и архитектуры. Но любовь сложнее и противоречивее, чем видимый облик любимого предмета или существа. Теоретику архитектуры хотелось бы заглянуть туда, где видимый облик и превосходящее его чувство любви не совпадают.

В теории архитектуры, контуры которой я пытаюсь угадать, вопрос о счастье связан с вопросом о мире. Архитектура, с одной стороны, включена в мир и пронизана миром, с другой стороны, она же обещает счастье в широком диапазоне смыслов – от удобства до восторга.

Проблема отношения архитектуры и мира, как и проблема архитектуры и счастья, оставалась незаметной для теории архитектуры нового времени, так как обе возможности заслонялись нормативными требованиями пользы, прочности и красоты (функции, конструкции, формы), которые сами себе не исчерпывают ни мира, ни счастья.

Быть может, исключением был архитектурный трактат Франческо Колонны «Гипнеротомахия Полифила»,

напечатанный в Венеции в 1499 году, в котором теория архитектуры излагалась в форме любовного романа. Этот игривый эротический роман привлекает к себе внимание современных теоретиков, в том числе писавшего о нем Альберто Перец-Гомеша [2], но концепция эротической символики архитектурных форм на современную архитектуру, кажется, не повлияла, да и она едва ли исчерпывала то, что архитектура может мыслить себе как счастье в этом мире, где смерть и страдания ближе к архитектуре, чем любовные утехы.

Важным препятствием для исследования природы счастья становится его неопределенность, приводящая к бесконечности условий, так что мельчайший изъян наносит счастью непоправимый урон. Перечисление условий счастья превратило бы его исследование в дурную бесконечность.

Спрашивается: как подобрать к этой проблеме ключ, который избежал бы дурной бесконечности и сохранял бы предметную определенность?

Попытаюсь избавиться от этой бесконечности, сведя число условий счастья к трем, используя наречие и местоимение «свой» (и в этом смысле следуя Боттону, употребившему в заглавии книги слово «вашей»).

На мой взгляд, счастье обусловлено возможностью иметь: свое место, своих людей и свое дело.

Понятие «свое место» обычно отождествляется с местом рождения и детства, которое по ходу жизни расширяется, но пределы этого расширения имеют довольно ясные исторические границы. Исходной клеточкой своего места, на мой взгляд, стало понятие Дома как места, где протекает жизнь от рождения до смерти. Отсюда хайдеггеровское *Dasein* («тут бытие»), которое я бы перевел как «присутствие», понимая под присутствием не казенное место службы, а именно домашний очаг, от которого трудно оторваться.

Понятие «свои люди» точно также начинается в доме, в семье и затем расширяется до родственников, друзей и близких. Оно проходит ступени класса школы, студенческой аудитории, места работы или армейской службы, наконец, населения поселка, города, страны, а одновременно формируется через общества по расовому, национальному, сословному, профессиональному и прочим признакам. Оба указанных условия лежат в основе патриотизма – как единства места и людей.

Понятие «свое дело» сложнее. Оно слегка касается профессии или ремесла, но выходит за него в сферу организационных форм учебы и труда, и, наконец, мифа и веры. Свое дело может пониматься узко как дело семьи, ремесла, родных мест и, наконец, дела своей веры, расширяясь не столько в космической, сколько в планетарной полноте присутствия.

Вот тут понятие места и мира расширяется до бесконечности. Но не в смысле метрической бесконечной удаленности, а в смысле абсолютного предельного замыкания, где все дела, все места и все люди соединяются. Это стремление ясно читается и в «пролетарии всех стран, соединяйтесь», и в песенной формуле «люди мира», и в клише «прогрессивное человечество», хотя и оно уводит в разные миры – христианский, русский, арийский, космополитический или интернациональный. Историческим вариантом такой расширяющейся общности становились и империи – от Чингисхана, до всяких содружеств позднейших стран и наций.

Архитектура никогда напрямую не включалась в эти понятия, но косвенно всегда наполняла их образы, формируя эти огромные пространства стилевым единством. Проблемы начались с момента распада единого единства и распространения эклектики.

В эклектике возникла новая схема – экспансия своего начала превращаться во втягивание всего прежде чужого

в свои границы. Если экспансия кочевого образа жизни была распространением – вплоть до мирового замыкания, то в оседлом мире в границы города как всемирного рынка втягивались все культурные и архитектурные символы. Город становится своего рода расширяющимся перманентным «музеем всего».

Этот процесс освоения всего многообразия мира в форме городской индивидуации захватывает и место, и человека. Одной из формул такой индивидуализирующей экспансии стала фраза: «Пушкин – это наше всё», которую можно понять как символ синтеза всей мировой культуры в одной личности, в одном теле.

Конфликт такого расширения сделался парадоксом современного движения в архитектуре, когда на место эклектики, вбирающий в одно место все культурное многообразие мира, пришла обратная тенденция – распространение новых стилистических универсалий во всем их многообразии на все места, весь мир, подстригаемый под одну гребенку, а теперь уже допускающий фасоны по вкусу.

В свое время этот парадоксальный синтез идеологической экспансии и этнографического музея возник в советской архитектуре в формуле социалистического реализма, социалистического по содержанию и национального по форме. Нелепое с точки зрения диалектики расщепление формы и содержания в этом тезисе становится нормой.

Если заменить в этой формуле национальное на индивидуальное – дело получит новый оборот. Получится «универсальное по содержанию и индивидуальное по форме». Но в таком виде сама эта формула начинает звучать как камертон счастья или любви. Тогда в ней будет слышно такое освоение бытия, в котором жить в мире и жить с миром, становясь его частью (с-частью), окажется единением в любви.

И даже если вернуть в нее категорию стиля, то немедленно вспоминается Бюффон с его: «Стиль – это сам человек». Жорж Бюффон – знаменитый ученый XVIII века, биолог, эволюционист антрополог и исследователь земного шара – в своих 36 томах «Всеобщей частной и естественной истории», вышедших еще при жизни автора, вложил в понятие человека и всю историю планеты Земля, и стиль ее описания, в котором мне слышится «земляк» как свой планетарный сосед и продукт земной биосферы, наделенный разумом, и как свой человек, владеющей простой и изысканной речью. Здесь звучит гуманизм Ренессанса, уже предчувствовавшего глобализацию, выходящую за границы веры и языка.

Гуманизм в таком случае есть своего рода понимание человека как носителя стиля и счастья одновременно, так как он осваивает все в соответствии со своей природой и желаниями.

Тогда архитектура, и прежде всего архитектура самого Ренессанса, из искусства строить здания в соответствии с туманными законами красоты, превращается в символ освоения человеком Земли, вырастающим над империями и замыкающим все в глобальной экспансии живого взрослого человека.

Взрослого в эволюционном смысле, то есть возвысившегося до своего понятия, преодолевающего понятие нации и государства, хотя и не стирающего их из своей памяти.

Список литературы

1. Боттон А. де. Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство. – М.: Изд. дом «Классика XXI», 2013.
2. Perez-Gomez A. "Hypnerotomachia Poliphili" by Francesco Colonna: The erotic nature of architectural meaning // Paper palaces. – London: Yale University Press, 1998.

References:

Botton, A. de. (2013). *Arkhitektura schastyia: kak obustroit zhiznennoe prostranstvo* [The Architecture of happiness: the secret art of furnishing your life]. Moscow: Izd. dom "Klassika XXI".

Perez-Gomez, A. (1998). "Hypnerotomachia Poliphili" by Francesco Colonna: The erotic nature of architectural meaning. Paper palaces. London: Yale University Press.